

Е.В. Аблогина

**Белорусско-русский литературный
билингвизм дореволюционного периода:
М.А. Богданович (1891-1917)¹**

Аннотация: Наследие М.А. Богдановича представляет собой пример индивидуального литературного билингвизма дореволюционного периода, изучение которого требует автороориентированного подхода. Родившись в Российской империи и овладев русским языком, Богданович стремился к совершенному владению родным для его предков белорусским языком, стал классиком белорусской литературы. В статье исследуются биографические предпосылки двуязычия, соотношение белорусско- и русскоязычных текстов автора, специфика автопереводов.

Legacy of Maksim Bogdanovich is a prime example of individual literary bilingualism of pre-revolutionary period, the study of which requires an author-oriented approach. Born in the Russian Empire he mastered the Russian language first; then aimed to master Belarusian, his ancestors' native language, and eventually became a classic of Belarusian literature. The article examines biographical background of bilingualism, the ratio of Belarusian and Russian texts of the author, and his self-translation practices.

Ключевые слова: литературный билингвизм, билингвальный автор, белорусско-русский билингвизм, автоперевод, М.А. Богданович.

Literary bilingualism, bilingual author, Russian-Belarusian bilingualism, self-translation, Maksim Bogdanovich.

УДК: 81'246.2, 821.

Национально-русский билингвизм в белорусской литературе XX в. стал объективным следствием лингво- и социокультурной ситуации. В отличие от литературного билингвизма советского периода, сформировавшего идентичность «советский человек», оперирующую двумя родными языками (что в различных формах можно обнаружить в текстах Я. Коласа (1927-1994), В.С. Короткевича (1930-1984), А.М. Адамовича (1927-1994) и В.В. Быкова (1924-2003)), литературный билингвизм дореволюционного периода, воплощенный в творчестве М.А. Богдановича (1891-1917), был в большей степени формой индивидуального билингвизма, нежели социального [1, p. 385]. По этой причине изучение билингвального

¹ Статья подготовлена при поддержке Гранта Президента РФ (МД-4756.2016.6).

творческого наследия монолингва Богдановича требует особого автороориентированного подхода.

Задел такого исследования представлен в немногочисленных фундаментальных исследованиях белорусско-русского литературного билингвизма. Первая из таких работ — «Белорусско-русский художественный билингвизм: типология и история, языковые процессы» А.А. Гируцкого [2], обобщившая советские изыскания по данной теме. В работе отмечалось свойственное Богдановичу использование белорусизмов в оригинальном творчестве на русском языке. В XXI в. исследование в этом направлении продолжила витебский ученый С.А. Гринберг [3]. В ее работе лексический уровень исследования расширяется до реконструкции культурных концептов, получивших ментально-образную и языковую репрезентацию в русскоязычных текстах Богдановича, Короткевича и Быкова. В этом же русле выполнено исследование Е.В. Михайловой [4].

Второе популярное направление в изучении текстов Богдановича — изучение форм жанровых форм романа [5], триолета [6], верлибра [7], сонета [8] в его творчестве.

Работ, характеризующих феномен билингвального литературного творчества Богдановича во всем многообразии его форм, в контексте биографических предпосылок и личных мотивировок, авторской рефлексии своей диглоссии и оценки своих автопереводов, не обнаруживается. В рамках настоящей статьи хотелось бы наметить перспективы и векторы такого изучения литературного билингвизма Богдановича, монолингва по рождению и полиглота, несмотря раннюю смерть в 25 лет, ставшего классиком белорусской литературы и одним из создателей современного белорусского языка, своего рода «белорусским Пушкиным». Данная статья продолжает решение задач фундаментального научного исследования литературного билингвизма коллективом ученых под руководством Н.Е. Никоновой [9, 10, 11, 12].

Максим Адамович Богданович родился в 1901 г. в Минске (в 1795 г. Белоруссия и часть Украины вошли в состав Российской Империи), который его семья вскоре покинула, переехав сначала в Гродно, где Богданович провел детство (с 1892 по 1896 г.), а затем в Нижний Новгород, где он прожил до 17 лет (с 1896 по 1908 г.). В дальнейшем Богданович преимущественно жил в Ярославле (с 1908 г.), а также в Вильнюсе (в 1911 г. и 1914 г.), Москве (в 1915 г.), Минске (в 1916 г.) и Крыму (наездами в 1896-1908 гг., в 1909 г., в 1914-1916 гг. и 1917 г.).

В семье Богдановичей говорили по-русски, основным языком обучения в Нижегородской мужской гимназии (1902-1907 гг.) и в гимназии в Ярославле (1908 г.) также был русский. В «Материалах к биографии Максима Адамовича Богдановича» [13] отец писателя, педагог, этнограф и фольклорист А.Ю. Богданович объясняет истоки любви сына к белорусскому языку: бабушка Богдановича, неграмотная но даровитая крестьянка, обладала даром рассказчика белорусских народных сказок, унаследованным от матери, известной в Холопеничском округе ворожеи и знахарки. По словам А.Ю. Богдановича, передача сказочного сюжета была для прабабки Богдановича поистине творческим актом. Каждый раз, рассказывая один и тот же сюжет, она добавляла в него новые черты, слова произносила нараспев, придавая повествованию ритмичность, таким образом, ее рассказы были близкими поэтическому творчеству. Занимаясь этнографическими исследованиями, А.Ю. Богданович записал эти тексты и постарался отразить в них особенности произношения. Именно благодаря этим записям в детском возрасте состоялось знакомство М.А. Богдановича с белорусской речью. Непрерывно и основательно занимаясь воспитанием детей, отец передал сыну множество записанных народных преданий, пословиц, поговорок, присказок, загадок, песен, обрядов, названий народных лекарственных трав и т.п., нашедших затем воплощение в лирике и прозе Богдановича.

Мать Богдановича, получившая педагогическое образование в Петербурге, была начитана, обладала хорошим слогом, чуткостью восприятия и писательским талантом, умерла от чахотки, когда сыну не было еще пяти лет, поэтому обучением детей руководил отец. Стремясь дать им всестороннее развитие, и до поступления в школу, и во время учебы он подбирал для них учебники и литературу для чтения. Так, например, изучая историю, дети читали фрагменты из летописей и памятников древней письменности, отрывки из исторических романов и повестей А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А.К. Толстого и других классиков. Издания адаптированной детской литературы категорически отклонялись отцом, вместо них он предлагал детям памятники народного творчества и классические художественные произведения, доступные их возрасту. Дети читали сказки А.Н. Афанасьева, собранные и записанные отцом белорусские сказки, русские, сербские и болгарские былины, «Слово о полку Игореве», «Эдду», «Песнь о Нибелунгах», «Песнь о Роланде», отрывки из

«Илиады» и «Одиссеи», фрагменты из «Энеиды», отдельные произведения Боккаччо, Аристофана, Данте, Сервантеса, Дефо, Мильтона, Геродота, Фукидида, жизнеописания Плутарха, из русских авторов прежде всего произведения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, С.Т. Аксакова, Г.И. Успенского, В.Г. Короленко, содержащие этнографические описания — все это было в домашней библиотеке Богдановичей.

Интерес к литературе также находит биографическую мотивировку. Круг общения семьи и в Минске, и в Гродно, где прошло раннее детство писателя, составлял цвет интеллигенции; по воспоминаниям А.Ю. Богдановича, у них дома часто устраивались литературные вечера, чтения, декламации. Детей с детства обучали французскому языку, несколько языков преподавали в школе и гимназии, не довольствуясь этим, Богданович занимался самостоятельно. Отец писателя кроме белорусского и украинского¹ называет еще шесть языков. Так, по его словам, Богданович хорошо знал французский, порядочно латинский, поверхностно знал немецкий, греческий, итальянский и польский. При этом тезис некоторых исследователей о многоязычном творчестве подтверждения не находит: в качестве языка литературного творчества Богданович выбрал белорусский и русский, по крайней мере среди известных сегодня бумаг, уцелевших после революции в собрании отца писателя, сочинений на других языках не найдено. В отличие от ситуации билингвизма, изучение белорусского языка было осознанным выбором Богдановича, о чем свидетельствуют сохранившиеся черновики с выписками из словарей и старопечатных книг, а также свидетельство отца, что поэтическое творчество на белорусском языке не давалось сыну легко, требовало кропотливой работы, обработки, совершенствования и переписывания². По свидетельству отца, писать стихи по-русски ему было проще.

Заложенный отцом интерес к белорусике развивал также учитель истории, белорус по рождению, с которым Богданович состоял в переписке после окончания нижегородской гимназии. В 1911

¹ По воспоминаниям отца, Богданович хорошо владел украинским языком, даже пробовал писать стихи на нем, но, видимо, быстро отказался от этого, таких рукописей не обнаружено.

² Заметим, что Богданович использовал белорусский язык в его дореформенном состоянии (первая кодификация белорусского языка была осуществлена лишь в 1918 г.), в то время его литературная форма еще формировалась в конкуренции с русским и польским языками и под их сильным влиянием [14, с. 22-36].

г., выпускник гимназии М.А. Богданович предпринял первую поездку в Белоруссию. По свидетельству отца, ему очень хотелось познакомиться лично с белорусскими писателями и активистами белорусского возрождения. На протяжении двух месяцев он имел возможность вживую созерцать то, с чем был знаком по книгам и рассказам родных. Также большое впечатление на него оказала деятельность подвижников белорусской литературы, издателей и авторов «Нашей нивы», по свидетельству отца, он был полон надежд и веры в национальное возрождение, страстно увлекся этой идеей, активно поддерживал связь с белорусским землячеством, участвовал в чтениях белорусской литературы и вечерах с исполнением белорусских песен. Призывы к возрождению белорусской словесности отразились в его статьях и критических заметках 1911-1916 гг., выходящих на русском языке в «Украинской жизни» (издание поддерживало украинские национальные права, что сближало его с деятелями белорусского движения), ярославских периодических изданиях «Русский экскурсант» (журнал, посвященный родиноведению и экскурсионному делу) и «Голос» (газета выражала мысли либеральной оппозиции).

Известно, что продолжить обучение Богданович планировал на филологическом факультете Петербургского университета. Помимо склонности к словесности, выбор университета определялся также тем, что профессор филологии и истории А.А. Шахматов планировал создание кафедры белорусоведения и искал тех, кто бы посвятил себя изучению языка, этнографии и истории Белоруссии под его руководством (по этому поводу он писал в редакцию «Нашей нивы»). Богданович получил рекомендацию к Шахматову и стремился продолжить обучение и работу в Петербурге, однако климат северной столицы, неблагоприятный для предрасположенных к туберкулезу (мать Богдановича рано умерла от туберкулеза, отец и все дети также были ему подвержены), а также отсутствие достаточных средств заставили его отказаться от этих планов, вернуться в Ярославль и продолжить обучение в Демидовском юридическом лицее, в котором также преподавались древние и новые языки.

Таким образом, литературный билингвизм монолингва и полиглота Богдановича можно объяснить совокупностью факторов. Первым фактором, определившим интерес ко всему белорусскому,

было наследование родовой традиции, восприятие белорусского как родного. Большую семью, включающую семьи сестер, отец писателя в «Материалах к биографии» охарактеризовал как белорусскую колонию в далеком краю слияния Оки и Волги, в которой хотя и говорили по-русски, не забывали своих национальных истоков. Именно фактор оторванности от исконной традиции послужил для Богдановича-сына императивом к ее сохранению и изучению. Вторым фактором стало полученное им образование и в первую очередь собранная отцом библиотека, которая с детства сказками, загадками и пословицами заменила для Богдановича устное воплощение белорусского языка, а в дальнейшем послужила основой для серьезного изучения белорусской истории и литературы. Третьим значимым фактором стала поездка в сентябре 1916 г. в Минск, где Богданович намеривался служить и работать.

Писать по-белорусски Богданович начал с десяти лет, в первых ученических опытах его поддержала тетка, выписавшая для него белорусские издания «Наша доля» и «Наша нива».

С пятнадцати лет он начал писать стихи на белорусским языке и публиковать их. Первые лирические стихотворения «Над магілай», «Прыйдзе вясна», «Мае песні», «На чужыне» и др., написанные во время и после обучения и изданные в «Нашей ниве», пронизаны любовью и тягой к исконной культуре, надеждой на национальное возрождение. Таким образом поэтическое творчество на белорусском языке, стало эффективной формой герменевтической деятельности, описания и осмысления действительности [15, с. 25], рефлексии языка, а также создания нового себя (a new self in a second language). Целью, артикулируемой Богдановичем в многочисленных статьях и заметках, было владение белорусским языком на высоком уровне, чтобы сочинять поэзию, обладающую художественной ценностью, и обогащать белорусскую литературу новыми размерами и формами стиха, содействуя развитию белорусской словесности.

Первое значительное художественное произведение — рассказ «Музыка» — был написан Богдановичем в 16 лет на белорусском языке и напечатан в «Нашей ниве». В произведении аллегорически рассказывалось о многострадальной Белоруссии на примере образа удивительного странствующего скрипача, музыка которого трогала сердца людей, но скрипачу было суждено погибнуть в заточении. К

этому же времени относятся некоторые переводы на белорусский язык, прежде всего немецких романтиков, некоторые из которых автор подписывал псевдонимом «Максим Криница» (с белор. криница — родник, источник). Достижения русской и европейской поэзии он стремился синтезировать с народной белорусской традицией. Так, Богданович создал на белорусском языке первые сонеты, триолеты, рондо и верлибры. Кроме того, переводил на белорусский с русского, украинского, французского и латинского. Примечательно, что произведения, написанные украинскими и белорусскими авторами, он стремился сделать доступными русскоязычному читателю. Так, он переводил на русский Т. Шевченко, Я. Купала, И. Франко, В. Самойленко, А. Крымского.

Кроме поэтического творчества в 1914-1916 гг. Богданович пишет и публикует фельетоны, рассказы и сказки, статьи по вопросам литературы, национальным и общественно-политическим проблемам, историческим и этнографическим тематикам (всего более полусотни текстов преимущественно на русском языке, перечисление одних названий которых заняло бы слишком много места, но продемонстрировало бы эрудицию, разносторонние интересы и поразительную творческую активность Богдановича в эти годы), около сорока рецензий, параллельно работает над созданием белорусского словаря.

В своей статье «Белорусское возрождение» 1914 г. он поясняет выбор белорусского языка как основного для своего поэтического творчества: «До сих пор в белорусской литературе, как это постоянно встречается у начинающих возрождаться народов, главную роль еще продолжает играть поэзия. <...> Отмечу поэтому, что мое творчество было направлено главным образом на расширение круга тем и форм белорусской поэзии» [16].

В «Вянок», единственный прижизненный сборник стихов Богдановича, вышедший в 1913 г., вошли девяносто два стихотворения и две поэмы на белорусском языке. В стихах романтической направленности сплетаются темы природы и родного края (например, «У зачарованым царстве», «Добрай ночы, зара-зараніца!», «Плакала лета, зямлю пакідаючы», «Зімой», «Зімовая дарога», «Маевая песня», «Возера», «Над возерам», «АСТРЬІ», «Прывет табе, жыцце на волі!», «Краю мой родны! як выкляты богам..»), творчества («Летапісец», «Кніга», «Ой, чаму я стаў паэтам», «Вы кажаце мне, што душа у паэта»),

утраты и смерти («Раманс», «Безнадзейнасць», «Разрытая магіла», «Самнамбул», «Дзве смерці», «Пракляцце вагітнай», «Каханне і смерць», «Даўно ўжо цела я хварэю», «Смерцію смерць поправ», «Белы крыж, пліта, пад ей — магіла»).

Многим стихотворениям сборника предпосланы эпитафии в виде цитат из Н. Буало, В. Гюго, П. Верлена, А. Рембо, Ш.О. де Сент-Бева, Сюлли-Прюдом, Данте, А.С. Пушкина, А.А. Фета, Я.В. Брюсова, Ф. Жиглинского, К.Ф. Фофанова и др., приведенных на языке оригинала и переведенных на белорусский.

С этим сборником связан единственный опыт автопереводов Богдановича: отдельные стихотворения были переведены им на русский язык под заглавием «Зеленя». Отношение к собственным переводам не зафиксировано в дневниках и письмах Богдановича. Однако сохранилось свидетельство, раскрывающее возможную мотивировку создания автопереводов и отношения автора к ним: увлекшись своей кузиной, Богданович подарил ей свой «Вянюк», но поскольку кузина не владела белорусским языком, он был вынужден перевести стихи на русский, указав эпитафией к ним высказывание австрийского сатирика М.Г. Сафира: «Переводы стихов — словно женщины, Если красивы, то неверны. А если верны, то некрасивы» (что, однако, не отменяет просветительскую функцию его переводов — популяризировать белорусскую словесность среди русских читателей).

Сопоставление этих «текстов-двойников» или «версий-партнеров» (в терминологии Дж. Хокенсон) демонстрирует высокое качество и точность перевода как в отношении стиха, так и в отношении поэтической образности. При этом, однако, некоторые различия присутствуют: так, в оригинале сильнее фольклорные традиции, а перевод ближе русской романтической традиции. Ср., например:

Возера
(из сборника «Вянюк»)

Стаяў калісь тут бор стары,
І жыў лясун у тым бары.
Зрубалі бор. — лясун
загінуў.
Во след яго ад той пары:
Свае люстэрка ен пакінуў.

Озеро
(из сборника «Зеленя»)

Тут рос густой, суровый бор,
И леший жил; когда ж топор
В бору раздался, — леший сгинул
И, уж невиданный с тех пор.
Нам зеркальце свое покинул.

Як у нязнаны свет акно,
Ляжыць, халоднае, яно,
Жыцце сабою адбівае
І ўсе, што згінула даўно,
Ў цемнай глыбіні хавае [17].

Как будто в мир иной окно,
Лежит, спокойное, оно,
Течение жизни отражает
И все, что стигнуло давно,
В холодной глубине скрывает [18].

Опыт автоперевода Богдановича, ограниченный избранными стихотворениями, согласуется с традицией, отмеченной В.В. Фещенко, когда продуктивный автоперевод является скорее исключением из правила [19, с. 199].

Поскольку последние автопереводы созданы незадолго до смерти поэта, сложно судить о продуктивности этой стратегии в творчестве Богдановича. Характерно, что поэтически описанная им трагическая оторванность от своих истоков нашла драматическое завершение в его биографии: с трудом добравшись в конце февраля 1917 г. в Ялту, где мог бы поправить здоровье, двадцатипятилетний писатель умер от открывшегося туберкулеза в полном одиночестве. В связи с революционными событиями родные и друзья не успели приехать на его похороны, а могила писателя, оставшись в Ялте без присмотра, вскоре была утеряна. К счастью, сохранились и дошли до нас его рукописи и прижизненный сборник стихов, позволяющие наблюдать феномен белорусско-русского литературного билингвизма начала XX в.

Дальнейшее изучение наследия Богдановича позволило бы в сопоставлении с авторами-билингвами как XIX в., так и советского периода уточнить специфику реализации присущего ему типа билингвизма, который в терминологии Р. Грутмана может быть охарактеризован как эндогенный и асимметричный, подразумевающий постоянное переключение языков в условиях диглосии, при том, что сферы их применения, особенно в контексте автоперевода, являются неравноправными [20].

Литература

1. Romaine S. The Bilingual and Multilingual Community // The Handbook of Bilingualism. Edited by T.K. Bhatia, W.C. Ritchie. Malden, 2006. P. 385-405.

2. Гируцкий А.А. Белорусско-русский художественный билингвизм: типология и история, языковые процессы. Минск, 1990.
3. Гринберг С.А. Белорусско-русский художественный билингвизм в когнитивно-дискурсивном и лингвокультурологическом аспектах. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011.
4. Михайлова Е.В. Лингвистическая объективация темы общечеловеческих ценностей в сборнике стихотворений М.А. Богдановича «Венок» // *Lingua mobilis*. Вып. № 5 (44). Челябинск, 2013. С. 37-49.
5. Яницкая С.С. Романс в лирике Александра Блока и Максима Богдановича // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Вып. № 46. Т. 9. Спб., 2007. С. 72-84.
6. Борсук Н.М. Жанровая форма трыялета (у творчасці М. Багдановіча і паэтаў берасцейшчыны) // Вестник Полесского государственного университета. Сер. Общественных и гуманитарных наук. Вып. № 2. Пинск, 2009. С. 70-76.
7. Верлибр серебряного века (А. Блок и М. Богданович) // Научные труды кафедры русской литературы БГУ. Вып. VII. Минск, 2012. С.14-24.
8. Федотов О.И., Шелемова А.О. Сонеты Максима Богдановича // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение, журналистика. № 4. М., 2015. С. 39-49.
9. Никонова Н.Е., Стекляникова С.Ю. Русская поэзия в немецких антологиях 2000-2010-х гг.: динамика издательских стратегий и читательских ожиданий // Текст. Книга. Книгоиздание. № 1 (10). 2016. С. 138-154.
10. Nikonova N., Dmitrieva L. The Perception of G. Herwegh's Personality and Work in Russian Culture: From Revolutionary Spirit to a Scandalous Love Affair // *Questio rossica*. Vol. 4. 2016. № 2. P. 198-206.
11. Никонова Н.Е. Проблемы изучения и издания русской литературы на иностранных языках: на материале немецких сочинений и автопереводов В.А. Жуковского // Русский язык и культура в зеркале перевода: VI Межд. научная конференция; 13—17 мая, 2016 г., Афины, Греция: Материалы конференции. М., 2016. С. 368-377.
12. Никонова Н.Е. Национальная литература на иностранном языке: о корпусе немецких автопереводов В.А. Жуковского и их

восприятию в России и за рубежом // Имагология и компаративистика. 2016. № 1 (5). С. 103-127.

13. Богданович А.Е. Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича // Шлях паэта. Успаміны і біяграфічныя матэрыялы пра Максіма Багдановіча. Минск, 1975.

14. Коряков Ю.Б. Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002.

15. Бахтикиреева У.М. Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2005.

16. Богданович М.А. Белорусское возрождение // Максим Богданович. URL: www.maksimbogdanovich.ru/stories/241-page43.htm.

17. Богданович М.А. Возера // Максим Богданович. URL: www.maksimbogdanovich.ru/stories/103.htm.

18. Богданович М.А. Озеро // Максим Богданович. URL: www.maksimbogdanovich.ru/stories/376.htm.

19. Фещенко В.В. Автоперевод поэтического текста как разновидность автокоммуникации // Критика и семиотика. 2015. № 1. С. 199-218.

20. R. Grutman. A sociological glance at self-translation and self-translators // Self-Translation: Brokering Originality in Hybrid Culture / ed. By A. Cordingley. London-New York, 2013. P. 63-80.